
Владимир СОГРИН

М. Горбачев: личность и история

Минувший год подвел итог шестилетнему пребыванию у власти М. Горбачева. Его уход с высшего поста демонтированного СССР вызвал всплеск дискуссий о месте Горбачева в новейшей истории. Впрочем, дискуссии эти, благодаря введенной самим Горбачевым свободе слова, развернулись еще за два-три года до этого, а их пик пришелся на период от августовского путча до упразднения Советского Союза, а вместе с ним и должности его президента. Споры о Горбачеве, дополняясь новыми фактами и интерпретациями, неизменно носили остро публицистический и партийный характер: оценки выносились в зависимости от политических симпатий того или иного автора.

Апологеты и критики

Деятельность Горбачева разделялась на два неравнозначных по своим итогам направления: внешнеполитическое и внутривластное. Дискуссии о его внешнеполитической деятельности были весьма вялыми, хотя также поделили спорящих на полярные фракции: одна обвиняла его за развал великой державы, другая выставила самые высокие баллы за прекращение холодной войны, отказ в теории и на практике от идеи мировой социалистической революции, предоставление свободы восточноевропейским народам. Споры эти шли вяло по ряду причин, прежде всего, видимо, потому, что мировая общественность единодушно и горячо превозносила Горбачева-миротворца, заглушая и обрекая на прозябание иные мнения, а также, конечно, и потому, что мы внутри нашего общества оказались настолько задавлены экономическими обвалами, социальными катаклизмами, национальными трагедиями, что стали воспринимать мировые процессы как нечто второстепенное. Актуальными становились прежде всего, а со временем и только наши внутренние драмы.

Каждый из двух главных подходов к внутренней деятельности Горбачева — апологетический и критический — претерпел определенную эволюцию, разделительным рубежом которой стал август 1991 года. До августа апологеты, представлявшие по преимуществу реформистское крыло КПСС, видели в Горбачеве альтернативу как «непредсказуемому популисту» Ельцину, так и коммунистическим фундаменталистам типа Полозкова.

«Советская культура», выражая позицию апологетов, 12 января 1991 г. (накануне событий в Литве!) на месте передовицы поместила перевод статьи из германской «Генераль — анцайгер», дав ей собственное лозунговое название: «Единственная гарантия — Горбачев». Вывод, который про-

С о г р и н В. В. — доктор исторических наук, заведующий отделом Института всеобщей истории РАН.

пагандировала «Советская культура», заключался в том, что Горбачев был и остается (мессией, который призван спасти советский народ, а потому ему нужно верить любую власть: «Не только из-за угрожающего хаоса, но и потому, что личность Горбачева дает единственную гарантию того, что основные идеи перестройки — экономическую реформу и демократию — можно будет спасти и на фазе авторитарного вмешательства»¹.

Появились даже разнообразные приемы апологии Горбачева. Один из них — сравнение его с русским царем Александром II. Защищая Горбачева от «неблагодарных» радикалов, писатель Л. Карелин негодовал: «Неблагодарность переползает в предательство. Борьба за власть, за этот из прошлого ор: «Царевну Софью на трон!» — это уже не политические игры, не амбициозные вожделения, не торопливая суета карьеристов, спешащих урвать свой кусок, поскольку Президент нынешний вроде бы мягковат, нерешителен, терпим безмерно. Спасибо бы ему за это сказать, ведь это качества доброго человека. Нет, поменять его. На кого, господа хорошие?.. Напомню простой факт из российской истории... Был в России сравнительно добрый царь Александр Второй. Это ведь он отменил крепостное право, но это ведь его убили народовольцы. Мало им показалось царской доброты, распоясались на большее. Получили же Александра Третьего, получили царя-реакционера. Если совсем точно сказать: получили наказание за неблагодарность»².

Еще одним распространенным приемом апологетов стала апелляция к суждению популярного как среди правых, так и левых А. Солженицына, сказавшего однажды, что в политике труднее всего ходить по центру. Центризм Горбачева объявлялся единственным средством модернизации страны без гражданской войны.

Перипетии августа 1991 г. серьезно перетасовали ряды защитников Горбачева. Он оказался тогда «генералом без армии», человеком без власти и влияния (демократию спасли не горбачевцы, а Ельцин и радикалы), а посему представления о нем как о мессии рухнули в одночасье. Многие его сторонники, в первую очередь из реформаторского крыла КПСС, отреклись от него и по другой причине: слишком уж легко подписался он под ельцинским запретом компартии. Бывший диссидент Рой Медведев, некогда исключенный, а в период перестройки восстановленный в партии, сокрушался: «Запретили КПСС грубо и оскорбительно. И если бы это еще сделал не Горбачев, который мне доверял и, не спрашивая моего согласия, вписал меня в члены ЦК, даже не разъяснив, зачем я ему там нужен...»³.

Зато среди защитников Горбачева после августа оказалось немало демократов. В. Мотыль, О. Лацис, Ю. Щекочихин и даже Л. Карпинский⁴, редактор «Московских новостей» (вынесших «смертный приговор» Горбачеву — президенту еще в январе 1991 г. после литовских событий) готовы были теперь поставить Горбачева рядом с русскими либеральными царями Александром I и Александром II. Но не меньшее количество демократов стали еще более яростными критиками Горбачева.

Амплитуда критических оценок Горбачева выявилась еще до августа 1991 г., и тогда же в них обозначились свои стереотипы. Один из них — отрицание у Горбачева качеств практического политика. Б. Мирзоян утверждал: «Такой пропасти между словом и делом, между принятым планом и его выполнением не наблюдалось во всех предыдущих пятилетках развития народного хозяйства СССР. Ни при Сталине, ни при Хрущеве, ни

¹ «Советская культура», 12 января 1991.

² «Правда», 5 апреля 1991.

³ «Огонек», 1991, № 52, с. 12.

⁴ «Известия». 7 сентября 1991; «Известия», 31 декабря 1991; «Литературная газета», 4 декабря 1991; «Московские новости», 22 декабря 1991.

при Брежнев, тем более в первые пять лет их правления. Даже Сталину не сразу удалось угробить плоды нэпа»⁵. Другая точка зрения, принадлежащая радикально-демократической критике, заключалась в том, что Горбачев органически связан с партократией, а потому оказался не способен разрубить гордиев узел тоталитаризма⁶.

Крайне радикальная критика Горбачева, как ни парадоксально, хотя и объяснимо (крайности сходятся), порой совпадала с крайне консервативными оценками. Например, выдвинутая бывшим диссидентом В. Буковским версия о том, что весь проект и режим осуществления перестройки были разработаны задолго до нее в стенах КГБ и предложены им Горбачеву (цель — спасение партократии посредством реформ), перекликалась с утверждениями консерваторов о том, что перестройка направлялась из стен западных спецслужб, а Горбачев — их платный агент. После августовского путча радикально-демократическая критика — самое полное выражение получившая в статье Л. Баткина⁷ — возложила на Горбачева прямую вину за контрреволюционный переворот. И вновь крайности сошлись: в связях Горбачева с путчистами не сомневались и политики типа В. Алксниса.

Лидер «шестидесятников»

Уход Горбачева с президентского поста, явившийся, если судить по формальным меркам, следствием верхушечного переворота (декабрьское соглашение трех славянских лидеров, упразднившее итоги всенародного от 17 марта 1991 г. референдума в пользу сохранения СССР, опиралось на целесообразность, а не на букву закона), не вызвало сколько-нибудь широких протестов в обществе. Ненависть или равнодушие, в редких случаях интеллигентское сочувствие и благодарность — вот «награда», доставшаяся архитектору перестройки на ее исходе от собственного общества. А ведь в ее начале, всего пять-шесть лет назад, мы, как замороженные, следили за тем, как смело манипулирует он курсом КПСС, меняя его в направлении высвобождения демократического потенциала общества. Обществоведы, уверовавшие в железную силу взаимодействия марксистской пары «производительные силы— производственные отношения», впервые за последние десятилетия обнаружили, какую выдающуюся роль может играть в историческом развитии личность. Но с 1988 г. перестройка стала развиваться по собственным внутренним закономерностям, вопреки желаниям Горбачева. Впрочем, очевидно, что «джинна из бутылки» (не предвидя последствий) Горбачев выпустил сам: процесс общественных преобразований вышел из «социалистических берегов» благодаря демократическим политическим реформам, реализованным им в 1987—1988 годах. Но кто мог предвидеть тогда, что выпущенный на волю «народный дух» поставит под сомнение благотворность социалистического выбора и «неблагодарно» отвернется не только от КПСС, но даже от ее просвещенных лидеров?

В политической деятельности Горбачева, как видно, заключен, помимо всего прочего, благодатный материал для осмысления классической, но порядком подзабытой проблемы «личность и история». Каковы возможности и пределы воздействия личности на историю, когда и почему эта личность берет верх, а в каких случаях и почему терпит поражение в противоборстве с историей? И кто, в конце концов, является властелином наших судеб — великие личности или набившие оскомину «объективные закономерности»?

Дать исчерпывающие ответы на эти вопросы в случае Горбачева пока,

⁵Мирзоян Б. Нужно было понять общество... Читая Горбачева. «Собрание Независимой газеты», 1991, № 2.

⁶См., например: Б у р т и н Ю. Горбачев. Политический портрет. «Независимая газета» 17 января 1991.

⁷Б а т к и н Л. Три дня двух президентов. «Литературная газета», 16 октября 1991.

конечно, затруднительно. Одна из главных причин — узость источников, характеризующих политическую борьбу Горбачева с «механизмом торможения», который остается весьма абстрактной категорией. Мы не располагаем сведениями о содержании тысяч и тысяч заседаний периода перестройки в горкомах и обкомах, в центральных комитетах КПСС республик и СССР, в структурах военно-промышленного комплекса и прочих структурах, составлявших фундамент командно-административной системы, на которую замахнулся Горбачев. Крайне скудны сведения о их закулисной деятельности, невидимом саботаже и сопротивлении политике реформатора. А без этого невозможно оценить масштабы усилий Горбачева, предпринятых для нейтрализации и демонтажа «механизма торможения», полно определить причины и истинную цену его «ошибок», «уступок» и «компромиссов», которые радикально-демократические критики так легко приписывают «слабохарактерности» Горбачева и его «кровным связям» с номенклатурой.

Но и без этих свидетельств всякому объективному наблюдателю, знакомому с командно-административной системой, ясно, что обезоружить ее без революционного насилия можно было, ведя очень тонкую и искусную политическую игру. В этой игре Горбачев проявил себя мастером, но в конечном итоге жертвами противоборства оказались и командно-административная система, и сам Горбачев. Пока противники душили друг друга в объятьях, на авансцену истории неожиданно вышла третья сила — национал-радикалы и демократы — и возвысилась над обессилевшими борцами. В новой ситуации Горбачев попытался было поменять свою стратегию, но сил, чтобы догнать, а тем более обуздать исторический процесс, ему уже явно не доставало.

Здесь правомерен вопрос: была ли у Горбачева вообще какая-либо стратегия воздействия на ход истории (тем более что большинство аналитиков категорически отрицают наличие у него каких-либо преобразовательных планов)? На мой взгляд, стратегическая линия в политике Горбачева прослеживается, что не отрицает глубокого его прагматизма, граничившего с неспособностью вырваться из плена мелких политических расчетов, как и очевидного факта отсутствия у Горбачева продуманных, а тем более всесторонне обоснованных планов общественных преобразований.

В политической стратегии Горбачева различимы два неоднозначных этапа, разграничительным рубежом которых является конец 1988—начало 1989 г., т. е. как раз середина эпохи перестройки. На первом этапе Горбачев выступал в качестве инициатора перемен, а следовательно, творца истории, на втором этапе он уже подлаживался под перемены, став пленником вышедших из-под его контроля, да и не предвиденных им исторических процессов. И хотя на втором этапе в своей идеологии Горбачев стал гораздо более радикален, он уже не возглавлял исторический процесс, а лишь потворствовал ему в лучшем случае и сопротивлялся — в худшем. История в конечном итоге смела личность, всего несколько лет до этого давшую ей, истории, новое направление.

На первом этапе стратегическая линия Горбачева заключалась в восстановлении идеалов «шестидесятников», принципов «социализма с человеческим лицом», которые после недолгой хрущевской оттепели были загнаны в подполье в СССР еще в начале 60-х годов и раздавлены под гусеницами танков в Чехословакии в 1968 году. Позиция «шестидесятников» и Горбачева основывалась на вере в идеальную марксистско-ленинскую модель социализма, которая была искажена в СССР и которую предстояло восстановить в первоначальной чистоте. В 1987 г. с подачи Г. Попова Горбачев и его окружение начинают использовать для обозначения советского социализма термин «командно-административная система», понимая под этим «деформацию» идеальной марксистско-ленинской модели. Для устранения «деформации» надлежало только выявить и ликвидировать «механизм тормо-

жения», после чего «внутренний потенциал» социализма должен был раскрыть его преимущества перед капитализмом.

Уже в 1987—1988 г. Горбачев и его единомышленники стали употреблять понятие «общечеловеческие ценности», но делали это весьма неуклюже, так что в их истолковании общечеловеческие ценности в конечном счете все равно превращались в социалистические. Признав в качестве общечеловеческих ценностей рынок, плюрализм, правовое государство, затем говорили, что в СССР необходимо утвердить «социалистический рынок», «социалистический плюрализм», «социалистическое правовое государство». Почерпнув общечеловеческие ценности из практики буржуазно-демократических государств, отрещивались как от дьявольского наваждения от заемных «буржуазных» ценностей и пытались доказать их кровную связь с идеалами Ленина! В беседе с корреспондентом «Униты» в мае 1987 г. Горбачев не оставлял на этот счет никаких сомнений: «Попутно замечу: в буржуазной прессе идущий у нас процесс демократизации толкуется превратно. Видно, кому-то очень хочется убедить своих читателей и слушателей в том, будто в Советском Союзе вознамерились наконец-то приблизиться к той демократии, которая на Западе. Дело обстоит, я бы сказал, совсем наоборот. Мы развиваем изначальную суть ленинских принципов советского социалистического демократизма с учетом накопленного политического и культурного потенциала советского общества и народа. Социалистическая демократия — и наша цель, и наше условие, и мощное средство перестройки»⁸.

И чем больше Горбачев клялся в верности «аутентичному марксизму», тем более обнаруживалась практическая нереализуемость последнего. В России 1987 г. марксов идеал социализма оставался таким же «журавлем в небе», как и в России 1917 года. Все экономические реформы, предложенные Горбачевым — опережающее развитие машиностроения, антиалкогольная кампания, госприемка, школьная реформа, возвышение трудовых коллективов,— были на поверку только вариантами командно-административного социализма и мало чем отличались от волонтаристских реформ Хрущева начала 1960-х годов. И только политические реформы, среди которых особое значение имели развитие гласности и закон об альтернативных выборах 1988 г., сдвинули советскую историю с мертвой точки. Пустивший корни идеологический и политический плюрализм стал самым величайшим детищем Горбачева и тем рычагом, который действительно «перевернул» советское общество. Но этот переворот необычайно быстро создал смертельную опасность не только для командно-административной системы, но и для самого Горбачева.

Вопреки замыслам Горбачева и в соответствии с логикой естественно-исторического развития, которому он дал волю, идейно-политический плюрализм очень недолго оставался «социалистическим». Уже в 1989, а в полной мере в 1990 г., значительная часть «шестидесятников» («прорабы перестройки») и еще большая часть людей, сформировавшихся в 70-е и 80-е годы, предпочли «социализму с человеческим лицом» либерально-демократические ценности западной цивилизации. Не предвиденный Горбачевым переворот в общественном сознании был в конечном счете предопределен обыкновенным здравым смыслом: «социализма с человеческим лицом» еще никогда не существовало, в то время как либерально-демократическая западная цивилизация, обеспечивающая процветание высшему, благополучие среднему и социальную защиту низшему классам, процветала на протяжении почти уже полувека.

Выбор советским обществом прозападной, а не, скажем, китайской модели политико-экономической модернизации был обусловлен и примером

⁸ «Правда», 20 мая 1987.

восточноевропейских государств, которые (а не Китай) составляли на протяжении последних десятилетий систему «сообщающихся сосудов» с СССР. Подобный выбор и стремительная переориентация ценностных ориентаций в обществе застали Горбачева врасплох, но, испытав первоначально шок, обнаружившийся ярко на первом Съезде народных депутатов СССР в середине 1989 г., он затем попытался вновь завладеть инициативой архитектора истории. Это потребовало от него радикальной ломки взглядов, что и происходит со второй половины 1989 года.

Новый этап: портрет из парадоксов

Идеологическая эволюция Горбачева была поразительной и для лидера такого государства беспрецедентной. Что было ее первопричиной: внутреннее саморазвитие или желание приспособиться к демократическому процессу, который радикализировался намного быстрее инициатора перестройки? Очевидно — второе, и это обстоятельство объясняет, почему Горбачев перестал быть лидером преобразовательных процессов: догоняющему «прогрессу» эта роль не по плечу. Совершенно очевидно также, что органической интеграции Горбачева с оформившимся спонтанно демократическим движением не произошло и не могло произойти: последнее все более приобретало антикоммунистический характер, а для Горбачева, предполагавшего оставаться генеральным секретарем ЦК КПСС, это было неприемлемо. Кроме того, он был явно раздосадован и по-мальчишески обижен, что демократическое движение предпочло ему в качестве лидера «выскочек», которые заслуживали быть только его тенью.

И все же при всем том в 1989—1991 гг. Горбачев из коммуниста превращается в коммуниста, социал-демократа и либерала одновременно. В конце 1989 г. в своей программной статье он включил ценности, бичевавшиеся прежде как «буржуазно-либеральные», в число общечеловеческих, подлежащих усвоению социализмом: «Однако в ажиотаже прямолинейного противостояния капитализму мы явно недоучитывали значение многого, что выработано человечеством на протяжении веков. К числу таких достижений цивилизации относятся не только простые нормы нравственности и справедливости, но и принципы формального права, т. е. равенства всех перед законом, права и свободы личности, принципы товарного производства и эквивалентного обмена, основанные на действии закона стоимости». Он одобрил использование опыта социал-демократии: «Накопленный социал-демократией богатый, разносторонний, хотя и неоднозначный, опыт мы с интересом изучаем, стремясь использовать в нем то, что подходит к условиям нашего общества».

Горбачев впервые указал на ошибки теоретического прогноза Маркса: «Сейчас мы можем сказать, что Маркс недооценил возможности саморазвития капитализма, который смог ассимилировать достижения научно-технической революции и сформировать такие общественно-экономические структуры, которые обеспечили его жизнеспособность, создать в странах развитого капитализма относительно высокий уровень благосостояния большинства населения, что, разумеется, не отменило его глубоких внутренних противоречий»⁹.

Конечно, критика марксова прогноза Горбачевым на фоне фронтального отрицания марксизма в радикально-демократической мысли выглядела весьма робко, но для лидера КПСС она была беспрецедентной по смелости. Горбачев дал тогда и новую, откровенно прагматичную трактовку идеала социализма: целью было благоденствие человека, и все средства, которые в

⁹ Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка. «Правда», 26 ноября 1989.

наибольшей степени способствовали ее достижению, должны быть одобрены. Священная триада советского социализма — государственная собственность, диктатура пролетариата, руководящая роль КПСС — предстала в результате не в качестве его первооснов, но только в качестве средств, которые обнаружили свою несостоятельность. Они должны были быть заменены новыми средствами.

Эта замена привела к тому, что место государственной собственности, диктатуры пролетариата и руководящей роли КПСС в идеологических разработках Горбачева заняли такие средства, как смешанная экономика, включающая и частную собственность, политический плюрализм, правовое государство, многопартийность. Шаг за шагом Горбачев уступал радикалам по решающим идеологическим вопросам. Особенно многозначительной была уступка по вопросу о роли КПСС и многопартийности. Еще в феврале 1989 г. он доказывал, что дискуссия о многопартийности беспочвенна и что «можно и при трех-четырёх партиях такой диктат держать, что никто и не пикнет, не вздохнет свободно», а ровно год спустя на пленуме ЦК КПСС он открыто пожертвовал «священной короной» однопартийности и конституционно закреплённой руководящей роли КПСС. После этого в марте чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР проштамповал отмену 6-й статьи Конституции СССР. Наконец, венцом идеологической эволюции Горбачева в освоении новых ценностей явилось принятие им теории конвергенции как фундамента общецивилизационного развития¹⁰.

И все же, несмотря на все эти идеологические трансформации, Горбачев так и не смог восстановить доверия демократов. Демократы отчетливо видели, что при помощи идеологических уступок он намеревался не утвердить альянс с ними, но переиграть их и вернуть себе единоличное политическое лидерство в перестройке. При этом Горбачев подвергал огульной критике лидеров демократического движения, в полемике откровенно искажая их идеи. Так, выступая в начале 1991 г. перед сотрудниками Академии наук Белоруссии, он грубо окарικатурил реформаторские проекты Попова, заклеив их в классическом старобольшевистском духе: «И этот антисоюзный и антинародный план выдается за кредо демократии»¹¹. А между тем Попов был одним из тех демократов, которые настойчиво пропагандировали альянс между утверждающимися у власти радикалами и квалифицированным составом старого аппарата. Его стратегия переходного периода во многом, в первую очередь в принципиальных положениях, совпадала со стратегией Горбачева, чего последний не захотел заметить, превращая в политических противников потенциальных союзников.

Двусмысленность позиции Горбачева становилась все более очевидной: с одной стороны, судя по эволюции его идеологического кредо, он все больше превращался в социал-демократа и либерала, но с другой — он же, явно желая удержать власть, в своей практической политике крепко держался за аппаратные структуры КПСС, не только не решался, но явно не хотел разрывать пуповину, связывающую его с консервативным ядром партии. Выражающая его позиции и идентифицируемая в сознании миллионов с ним газета «Правда» вела последовательный идеологический погром «так называемых демократов». Даже относительно либеральный журнал «Коммунист» не обмолвился ни единым добрым словом ни о Собчаке, ни о Попове, не говоря уже о более радикальных представителях демократического движения. А что тогда говорить о таких реакционных партийных изданиях, как «Советская Россия», развернувших против демократов «холодную» гражданскую войну!

¹⁰ Она была одобрена Горбачевым в выступлении на встрече с американской интеллигенцией во время визита в США в июне 1990 года. См. «Правда», 3 июня 1990.

¹¹ «Правда», 1 марта 1991.

Горбачев попытался найти теоретическое оправдание для своей двусмысленной позиции и обнаружил его в понятии «центризм». По традиционным коммунистическим канонам это понятие звучало кощунственно, но по общецивилизационным меркам оно давно стало стержнем политической жизни в демократических обществах. Так что само по себе освоение принципа централизма соответствовало линии на утверждение общецивилизационных политических норм. Но трактовал, а тем более использовал на практике этот принцип Горбачев весьма своеобразно, до крайности сужая политическую опору централизма. Так, он заявил, что для «подлинно центристской позиции неприемлем и авантюризм сил, которые себя называют радикальными, ибо они часто лишены реальной базы, не учитывают процессы, протекающие в обществе, и выдвигают ошибочные лозунги»¹². Но в действительности силы, называвшие себя радикальными, располагали уже более массовой и реальной поддержкой, нежели сам Горбачев. Дальнейшие рассуждения Горбачева о центризме, например то, что в коалицию центристских сил могут войти только те, кто выступает «с интернационалистских позиций единства Союза», не оставляли сомнений, что понятие «центризм» понадобилось ему для облагораживания собственной позиции, а отнюдь не для собирания реальной демократической коалиции.

Эти очевидные противоречия в эволюции и позиции Горбачева, конечно, не оставались незамеченными для демократов, которые все меньше доверяли архитектору перестройки. Но самое непоправимое для него заключалось в том, что из-за противоречий своей политики он терял доверие широких народных масс. Особенно плачевным в этом смысле оказался для него период пребывания на президентском посту.

В марте 1990 г. Горбачев был избран на президентскую должность, которой добивался уже давно. На поверхности мотив введения президентской должности был один-единственный: энергичное проведение в жизнь экономических и социальных реформ. Но в действительности присутствовал и другой мотив: удержание ускользавшей из рук реальной власти, сохранение ее, а с ее помощью и рушившейся империи. Борясь за президентское кресло, Горбачев открыто противопоставил себя порожденному им процессу демократизации: последний предполагал всенародное избрание главы государства, что только и делало власть президента легитимной. Отвергнув подобный демократический способ борьбы за президентское кресло, объяснение чему заключалось отнюдь не в политической целесообразности, как доказывали горбачевцы, а в неуверенности в поддержке народа, Горбачев фактически лишил свою должность легитимности и обрек на неудачу свою президентскую деятельность. Тактические расчеты Горбачева в который раз были противопоставлены закономерностям исторического процесса демократизации, что привело его к глубокому стратегическому поражению.

Горбачев не был способен на радикальные преобразования и в силу сохранявшихся органических связей со структурами командно-административной системы. Он не был готов к ним и потому, что радикальные реформы выводили на политическую авансцену демократическое движение, во главе которого стояли его политические соперники. Уже через несколько месяцев после занятия им президентского кресла выяснилось, что он совершенно не способен переломить деструктивные процессы в экономике и противопоставить им курс позитивных реформ. Его хватило только на то, чтобы при помощи всевозможных маневров удерживать власть. Этого было явно недостаточно, чтобы сохранить политическое лидерство в обществе, нуждавшемся в радикальной модернизации и на каждом шагу сталкивавшемся с угрозой социальных катастроф. Более того, поглощенность такти-

¹² «Правда», 2 марта 1991.

кой удержания власти неизбежно толкала Горбачева к альянсу с консервативными силами, которые с осени 1990 г. стали прибирать к рукам важнейшие государственные посты. В стране стал назревать контрреволюционный путч, а охранительная политика Горбачева имела к нему самое непосредственное отношение.

Деятельность Горбачева в 1989—1991 гг. была исполнена, таким образом, глубочайших противоречий: с одной стороны, он весьма энергично менял свои взгляды, пытаясь приспособить их к требованиям дня, естественному развитию вещей, но с другой — в своей практической политике он же не мог порвать со структурами реального социализма, вырваться из их плена. В результате его в конечном итоге стали ненавидеть обе соперничающие силы: консерваторы не могли простить ему того, что он «поступился принципами», радикалы объявляли его уже «изменником» новых идеалов, поскольку последние слабо воплощались в жизнь.

И критика консерваторов, и критика радикалов отражала объективную реальность (да, Горбачев поступился принципами, но новые идеалы слабо реализовывались на практике), но хотелось бы обратить все же внимание на определенную ее несправедливость. Действительно, Горбачев обнаружил неспособность изменять политическую практику, но воспринятые и активно пропагандируемые им концепции «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей» способствовали глубокой идеологической и духовной революции в обществе. И эта трансформация общественного сознания блестяще материализовалась в последней декаде августа 1991 г.: народ готов был стоять насмерть ради общечеловеческих ценностей. Конечно, общественное сознание изменилось под воздействием не одного Горбачева, но это была и его, Горбачева, революция. И может быть, именно она была его главным достижением.

Как видно, в вызревании августовских событий 1991 г. Горбачев сыграл роль «двуликого Януса»: он своей политикой стимулировал возможность возникновения путча (хотя непосредственно его не организовывал), и он же своей идеологией вскармливал подавившую путч демократию. Этот парадокс обусловил взаимоисключающие оценки президента в публицистике, при этом объективные выводы и факты приводились как теми, кто объявлял Горбачева «предателем» перестройки, так и теми, кто признавал его «отцом демократии». Но каждая сторона ограничивалась частью правды, полный же политический портрет Горбачева может быть только портретом из парадоксов, в котором найдется много места для контрастных красок.

Место в истории: возможны варианты

Горбачев подчинял историю своей воле, был ее режиссером до 1988 г., но после этого как лидер преобразовательных процессов в обществе исчерпал себя. Чем объяснить крах Горбачева как творца истории? Представляется, что он потерпел поражение по той же причине, по которой потерпел поражение в начале века в попытке преобразовать монархическую Россию А. Столыпин: общественные устройства, которые хотели реформировать Столыпин и Горбачев, перестройке не подлежали, поэтому героические попытки этих незаурядных личностей направить историю в новое русло эволюционным путем были обречены на неудачу. Сравнение это для многих звучит, по-видимому, неожиданно, поэтому попытаюсь обосновать его.

Реформа Столыпина представляла собой не что иное, как попытку радикальной капиталистической модернизации России. Действовал он смело, отчаянно, умно, но все же реформировать многовековую феодальную монархию, только еще затронутую процессом буржуазной трансформации и не располагавшую сколько-нибудь развитым, оформленным политически и идеологически средним классом, ему было не под силу. То, что поражение Столыпина не было случайным, засвидетельствовали февральская и ок-

тябрьская революции 1917 г.: победу над феодально-помещичьей структурой смогли одержать не буржуазно-демократические партии и средний класс, а голодный пролетариат и не стесняющиеся в средствах большевики. Такой исход русской истории, на мой взгляд, закономерный, предопределенный ее многовековым наследием, имел трагические последствия. Страна вышла не на общецивилизационную дорогу, а сбилась на тупиковый, пусть и радикально отличный от старого, тоже тупикового, путь.

Горбачев, подобно Столыпину, попытался перевести Россию с порочного, тупикового, на общецивилизационный путь эволюционным способом. Но основы этого общества — тотальная общегосударственная собственность, диктатура КПСС, массовая люмпенизация населения — не позволили ему свершить это. В стране началась революционная модернизация, которой, увы, присущи многие типичные — драматические и трагические — следствие революционных общественных ломок.

Горбачев не препятствовал наступлению революционной ломки любыми средствами, более того, своей политикой компромиссов немало способствовал эволюционному переходу от социалистической перестройки к революционной модернизации. Но все же к концу его пребывания на президентском посту принятое им к реформированию общество лежало в руинах. И именно этот итог — перестройка как катастрофа (последнее определение принадлежит А. Зиновьеву) — запечатлелся в сознании и приговоре большинства его соотечественников. В какой степени он справедлив, если справедлив вообще?

Ответить на этот вопрос помогает принцип историзма: он предполагает оценку роли Горбачева, опираясь на исторические закономерности крупных революционных эпох. Одна из таких закономерностей свидетельствует, что крупные, в том числе и самые прогрессивные, революционные переходы в истории человечества, неизбежно сопровождались затяжным падением производства, инфляцией, ростом социальных контрастов. Позитивные плоды революционных переходов пожинались много позже их завершения. Прогрессивные переходные этапы не приносят непосредственных экономических улучшений обществу, их задачей является создание моделей, способствующих таким улучшениям. Предпринятые в эпоху горбачевской перестройки, безусловно, прогрессивные усилия по созданию политического плюрализма, гражданского общества, рынка скажутся далеко не сразу. Но уже первые позитивные результаты революционной модернизации могут привести к существенному переосмыслению исторической роли Горбачева, а ее дальнейшие успехи будут способствовать все более благоприятным оценкам его деятельности.

Но, конечно, это произойдет только в том случае, если радикальная модернизация общества не будет прервана, а тем более уничтожена. Это же зависит от способности и готовности общества заплатить высокую цену за переход в новое состояние. А вот тут-то никаких гарантий дать невозможно. Ссылки на то, что такую цену уже заплатили и платят сегодня многие народы, в том числе восточноевропейские, здесь мало помогают. Запас способности и готовности наших соотечественников верить в «светлое будущее», по сути, исчерпан в течение семидесятилетнего коммунистического периода, когда каждое поколение жило и трудилось исключительно ради благополучия детей и внуков. Но тогда в силу несвободы не было возможности взбунтоваться против ущербной, рабской формулы существования живущих поколений. Сегодня такие возможности легализованы, и они вполне могут быть использованы для массового протеста против высокой исторической цены модернизации.

Так получилось, что процесс обретения свободы мысли и политических свобод в нашем обществе существенно обогнал процесс экономических реформ. Объективно это создает опасность для всего процесса модернизации:

политическая демократия в нашем обществе может использоваться в уравнительно популистских целях, парализуя реформы. Опасный разрыв между политической демократизацией и экономическими реформами сегодня относят к одному из самых существенных просчетов Горбачева: нищета способна в конечном итоге дискредитировать и погубить политическую демократию, которую отец перестройки считал своим любимым детищем. Случись это, шансы Горбачева на то, чтобы занять достойное место в истории, существенно уменьшатся, если вообще не будут сведены на нет.

Отсутствие у Горбачева и его команды плодотворной или даже сколько-нибудь убедительной концепции экономической модернизации, безусловно, явилось одним из самых больших минусов в его деятельности. Однако в данном случае хотелось бы все же возразить против распространившихся сегодня попыток персонифицировать этот величайший просчет перестройки, приписать его исключительно Горбачеву. В силу хорошо известных причин, в первую очередь существовавших на протяжении 70 лет запретов на свободное развитие научной, да и вообще любой мысли, никто в нашем обществе не был готов к созданию в короткие сроки такой концепции. Даже с наступлением политической свободы агитация в пользу рынка его сторонников, в том числе и лучших экономических умов, носила умозрительно-декларативный характер. Отнюдь не желая, например, принизить заслуг в критике командно-административной системы нашего ведущего экономиста-рыночника Н. Шмелева, приведу все же оценку его выступления на одной из недавних международных конференций, данную директором британского института Адама Смита И. Батлером: «Этот человек говорит так, словно он не подозревает о существовании рыночной экономики!»¹³. Плачевное состояние отечественной экономической, политической, социологической мысли обрекло всех архитекторов нашей модернизации на грубые ошибки. Горбачев совершил их больше, чем Б. Ельцин, Г. Попов и А. Собчак, еще и потому, что приступил к модернизации первым.

Дальнейшее развитие политической практики может внести существенные коррективы в то распределение положительных и негативных оценок между Горбачевым, с одной стороны, и сменившими его у власти радикалами — с другой, которое было характерно в последние годы для нашей демократической публицистики. Ведь едва радикалы заняли властные места, как демократическая пресса обнаружила у них разрыв между словом и делом и стала подвергать их в точности той же критике, которую раньше обрушивала на Горбачева. Через четыре месяца после августовской революции главный редактор «Московского комсомольца» вынес новой власти приговор, схожий с тем, который еще год назад выносился его газетой Горбачеву. Вот он: «Сегодняшние демократы пришли из тоталитарной системы, она и приучила их мыслить. К сожалению, демократия, зарождаемая сегодня на обломках партократии, имеет под собой рыхлый, ненадежный фундамент и стремительно скатывается к диктатуре»¹⁴.

Реализация варианта «скатывания к диктатуре» создала бы смертельную опасность для исторической судьбы Горбачева. При всех его разногласиях с радикалами его судьба как исторического деятеля в существеннейшей мере зависит от успеха политиков, отстранивших его от власти. Если реформы Ельцина увенчаются успехом, это повысит шансы Горбачева на то, чтобы занять достойное место в истории. Если же Ельцин потерпит неудачу, Горбачева будут рассматривать как предтечу порочного политического курса.

© В. Согрин, 1992

¹³ Шт. по: «Огонек», 1991, № 52, с. 27.

¹⁴ «Московский комсомолец», 3 января 1992.